

Предисловие Б. Зингермана к книге М. Иофьева «Профили искусства» опубликовано только в этой книге и впервые воспроизводится в интернете.

Борис Исаакович Зингерман (1928–2000) – кандидат искусствоведения, историк и

исследователь театра, театральный критик, один из образованнейших и умнейших людей своего времени – как кто-то выразился, гуру своего цеха. В данном случае его целью было так представить внимательному читателю основные особенности статей и их автора, а они очевидно не совпадали с требованиями власти, чтобы хотя бы внешне не противоречить этим требованиям и тем самым не запретить издание книги. На мой взгляд, он блестяще справился с этой задачей.

Предисловие Б. Зингермана

к книге М. Иофьева «Профили искусства»

Тридцати четырёх лет от роду М. И. Иофьев погиб в авиационной катастрофе. Внезапная кончина пресекла его обширные планы, житейские и литературные; казалось, вот-вот они осуществятся.

Всё же смерти не удалось застать его врасплох: он спешил жить и действовать в отпущенные ему недолгие сроки.

Его биография, на первый взгляд соль заурядная для молодого театрального критика 40-х и 50-х годов, на самом деле была насыщенной и драматической. В ней имели место внезапные перемены и такие сферы деятельности, которые людьми посторонними не подозревались.

Как и всё его поколение, возмужавшее в военные годы, Иофьев начал творческую деятельность с опозданием. Юношей он ушёл в армию; вскоре его демобилизовали в связи с тяжёлой болезнью сердца. До того как стать студентом ГИТИСа, он успел потрудиться возчиком в колхозе и маляром на стройке. А

своё служение театру начал рабочим сцены. После годов учения, после исследований о Расине, Пушкине, Лермонтове, Камерном театре он отправился в Егорьевск, в культпросветшколу и несколько лет образцово разъяснял будущим директорам сельских клубов и библиотек основы искусства.

Самой глубокой его страстью было искусство. Но искусством его интересы никогда не ограничивались.

Горожанин, проведший свою молодость в театральных залах, библиотеках, дружеских сборищах, он близко знал природу и, несмотря на болезнь, много лет подряд – с ранней весны до поздней осени – работал инструктором водного туризма. Он учил молодых людей мастерски разжигать костёр и ставить палатку, учил и другому – извлекать приключения из простых и прозаических ситуаций. О любимых волжских местах, о турбазе Лисицы, что около Калинина, он написал потом подробную книжку.

Он вёл, казалось бы, рассеянный образ жизни, подчинённый множеству интересов. Между тем его работоспособность, строгое отношение к своему литературному труду были поразительны, о чём можно судить и по статьям, собранным в этой книге.

Ещё на студенческой скамье, в 40-е годы, у Иофьева сформировался своеобразный склад ума; у него были независимые вкусы, свой идеал человека, определивший его основные антипатии к некоторым людям, близким ему по профессии и образовательному цензу, и настойчивое тяготение к людям, дальним, живущим в чуждых ему сферах быта. Он чувствовал себя превосходно везде, где находил искреннее чувство, не поддельную, не заимствованную с чужих слов и чужих манер жизнь. Так же неожиданны и широки были его литературные склонности, свободные от каких бы то ни было предвзятостей.

Полнота его жизнедеятельности и его художественных интересов непосредственно отразилась в его статьях.

Человек органичной и тонкой культуры, он не нуждался в том, чтобы утверждать свою интеллигентность подражанием

узкой моде или высокомерным отношением к «низким» жанрам. Снобизм вызывал у него чувство недоумения и брезгливости.

Исследователь русской классической поэзии, поклонник французского классицизма и романтического балета, он любил традиционные песенки Шульженко и Вертинского, непритязательное и лёгкое искусство оперетты; в искусстве, как и будничном общении, для него не существовало сфер высоких и низких. Круг его интересов непрерывно расширялся. В последние годы жизни он увлёкся балетом и кинематографом, – тем и другим одновременно.

Его статьи о балете отличаются глубоким и свободным проникновением в эту трудно поддающуюся анализу область искусства, статьи об удачных и неудачных фильмах могут служить пособием для начинающих кинематографистов – новые темы давались Иофьеву легко. При этом он ни в чём не был дилетантом, никогда не позволял себе написать ни строчки о предмете, прежде чем не будет произведено подробное его изучение.

Индивидуальность и талант художника представляли для Иофьева интерес, если они несли в себе опыт предшествующей культурной традиции, прочные навыки школы – и сам он был человеком школы. В его работах, если говорить о методе критического исследования, совместились влияния различных направлений и корифеев современного русского искусствознания. Школа русского искусствознания XX века была изучена Иофьевым досконально. В этих рамках ему не было тесно, через эту традицию его индивидуальность выразилась органично и свежо.

Он воспринимал искусство всей душой, пылко и самозабвенно, как романтик, писал же о нём точно и ясно, претворяя свои эмоции в логику тщательного и утончённого анализа. Эту живость восприятия, внимание к оттенкам, эту форму изложения, строгую и музыкальную, он воспринял у своих духовных наставников – русских поэтов – и у своих институтских учителей – среди них первыми должны быть названы А.К. Дживелегов и А.М. Эфрос.

В те несколько лет, когда Иофьев писал и печатался, в критике популярны были проникновенные лирики и темпераментные публицисты. Ни тем, ни другим даром он не обладал. Со своим скрытым темпераментом, погруженностью в оттенки и мотивы художественного творчества он среди коллег стоял несколько особняком и держался в тени. Сейчас, по прошествии времени, некоторые нашумевшие статьи тех лет трудно читать, так мало в них самостоятельного значения и внутренней культуры. А работы Иофьева, как правило, не устаревают – и в силу аккумулированной в них художественной культуры, и потому, что в них запечатлены не поверхностные, но глубокие и длительные связи с нашим временем. Их идеи перспективны.

Иофьев ценил взыскательное мастерство, видел в нём надёжное средство сохранить заветы классической культуры и найти новые контакты с действительностью. Высокий профессионализм, стойкое мастерство казались ему залогом внутренней честности художника и содержательности творчества; добрые намерения, не подкреплённые стремлением к художественному совершенству, представлялись ему подозрительными. Таким образом, эстетический критерий естественно предстаёт в его статьях мерилom нравственности художника.

Увлечённый кругом своих постоянных интересов, Иофьев вместе с тем живо откликался на самые актуальные и острые темы, вызывавшие в то время горячие и долгие дискуссии. Его позиция состояла в том, что, проверяя истинность художественных мотивов автора, он соотносил их не только друг с другом, но и с реальным жизненным материалом; выяснилось, что и в этой области он достаточно осведомлен. Мотивы творчества исследуются Иофьевым пристально и полно, они видны нам каждый в отдельности и все вместе, в нерасторжимой идейной, тематической и художественной цельности.

В конечном счёте пафос его работ – посвящены ли они великому поэту или начинающей танцовщице, старинному живописцу или современному шансонье – состоял в защите самостоятельного и высокого назначения искусства, приобщающего нас к прекрасному.

Вместе с тем в статьях Иофьева, казалось бы, сугубо профессиональных, преимущественно обращённых к внутренним мотивам художественного произведения, написанных в сдержанной «закрытой» манере, не допускающей непосредственного и тем более фамильярного обращения к читателю, отразились размышления о судьбах современной истории и современного человека. Всё яснее открывается нам серьёзный жизненный смысл его статей, их скрытая общественная страсть, их общая тема, в которой трагические борения причудливо соединяются с ясными вспышками радости.

Его дипломная работа о «маленьких трагедиях» Пушкина, написанная в 1950 году, содержит в себе все дальнейшие мотивы его творчества. Он рассматривает судьбу свободной и гармонической личности, лишённой общественного идеала, тщетно стремящейся избыть свою трагическую опустошённость на путях индивидуализма.

В статье о поздних новеллах Бунина, последней работе критика, написанной через десять лет после его этюда о Пушкине, те же мотивы осмыслены наново – более жёстко и конкретно, более требовательно и интимно, соотнесённые с новым историческим опытом, взятые в своих итогах.

Иофьева интересует судьба человека, жаждущего радости и полноты бытия среди трагических обстоятельств истории. Он пишет о трудном счастье тех, кто «посетил сей мир в его минуты роковые», о тех, кто к истории причастен. Трагическим мотивам противостоит в его работах неистребимая жажда жизни, радостное и мужественное её приятие, смелая мечта о человеке (которую он так ценил у Бабановой, любимой своей актрисы).

Главная тема его статей имеет отчётливо выраженный героический характер.

В первую очередь на это указывают персонажи его критических исследований: пушкинский Дон Гуан и Анка Бабановой, Лариса Огудалова в исполнении Роек и фабричная девчонка Женька Шульженко, «мексиканец» Джека Лондона и Венька Малышев Павла Нилина.

Мотив свободы господствует в статьях Иофьева над всеми остальными. Потому что для него пафос искусства – это прежде всего пафос свободы, пушкинской «вольности». Вот почему его статьи сохраняют аромат молодости, с вольностью неразлучной.

Иофьев писал только одно десятилетие. Но он спешил жить и писать и в немногие годы многое успел.

Книга его избранных работ об этом каждому свидетельствует.

Содержание

<i>Предисловие (В. Зингерман)</i>	5
Искусство Бабановой	10
Мечта о человеке	25
Жить ли Ларисе Огудаловой?	38
О современной режиссуре	48
Наследство и наследники	77
Памяти Таирова	88
Наша Барият	93
Поиски и находки	96
Восемнадцать лет и пять вечеров	101
Ватто и театр его времени	125
«Спартак»	131
Богатство миниатюр	150
Балетные силуэты	158
Чорохова	161
Мария — Нинель Петрова	165
Диалог о танце	170
Диалог о танце	179
Балет «Гранд-Опера» в Москве	201
«Гри вальса» Клавдия Шульженко	204
Вергинский	209
Отрицание подвига	219
Образы требуют сюжетов	229
«Маленькие трагедии» Пушкина	277
Поздняя новелла Бунина	320
<i>Библиографическая справка</i>	